

В.Л.МЫЦ

**НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК ПО ЭПИГРАФИКЕ
СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА XIV—XV вв.**

Новая интерпретация ряда надписей XIV—XV вв., найденных в Горном Крыму, позволяет ответить на некоторые неясные вопросы истории крымского средневековья.

Исследователи средневекового Крыма постоянно ощущают недостаток письменных источников. Поэтому любая новая находка вызывает живой интерес ученых. Но случается и так, что среди материалов старых раскопок удастся обнаружить забытые или незамеченные надписи,

© В.Л.Мыц, 1991

ISBN 5-12-003267-2. Византийская Таврика. К., 1991

способные пролить свет на те или иные исторические события. В данной статье вниманию читателя предлагается три небольших сюжета, посвященных изучению трех эпиграфических памятников XIV—XV вв. Это надпись 1361/62 гг. из раскопок на Мангупе, которая неоднократно использовалась исследователями средневекового Крыма в историко-социологических построениях; надпись 1427 г. из Партенита, найденная еще в XIX в., но ни разу не публиковавшаяся; относительно новая находка из раскопок 1982 г. крепости Фуна, способная дать новые материалы по генеалогии Мангупских князей XV в.

1. Мангупской надписи 1361/62 гг., найденной при раскопках базилики в 1913 г., в литературе по истории средневекового Крыма уделено много внимания, но это, к сожалению, не способствовало уяснению ее значения как источника. В понимании исторического содержания надписи исследователи за истекшие несколько десятилетий не продвинулись далее того, что было предложено вначале Р.Х.Лепером [21, с.297] и затем Н.В.Малицким. [22, с.9—11]. Эта надпись была найдена не *in situ*, а как вторично использованная: оказалась вставленной в плиту позднесредневековой могилы у южной стены алтаря базилики [20, л.80]*. В переводе Н.В.Малицкого она звучит так: "Господи Иисусе Христе боже наш [благослови] основавших [сию] стену; построена эта башня верхнего города почтенной Пойки помощью божией и святого Димитрия попечением всечестнейшего нашего Хуйтани сотника [достойного?] всякой чести и совершенно восстановление Феодоро в меете с Пойкой построены в 6870 году" (т.е. в 1361/62 гг. от рождества Христова) [22, с.9—10].

С момента открытия надписи сотник Хуйтани был силою желания исследователей произведен в князья, и это мнение прочно утвердилось [18, с.17—21; 4, с.19—28; 7, с.276—277; 36, с.414; 31, с.330; 12, с.123]. Смущало несколько его нехристианское имя, однако и это препятствие было устранено: на основе упоминания в надписи св. Димитрия Хуйтани преобразуется в Димитрия. Так, искусственным путем был создан князь Димитрий, якобы правивший на Мангупе в 1361/62 гг., и его помещают в основание генеалогической лестницы правителей Феодоро [40, с.282].

Строительная надпись сотника Хуйтани (как и еще одна надпись 80-х гг. XIV в., в которой упоминается сотник Чичикий [17, с.56, 40, с.282]) очень скромна по оформлению (рис. 1) и ничем не отличается от аналогичной надписи 1503 г. [3, с.170—175], также повествующей о восстановлении стен Мангупа. Она лишена пышной титулатуры и геральдических символов, столь характерных для надписей князей Мангупа XV в. Из ее содержания можно сделать вывод, что Пойка является частью Феодоро (на этом делается акцент). Пойкой называется "верхний город". Таким образом, в XIV в. Мангуп топографически был раз-

* В настоящее время эта плита хранится в лапидарии Государственного Херсонесского историко-археологического заповедника.

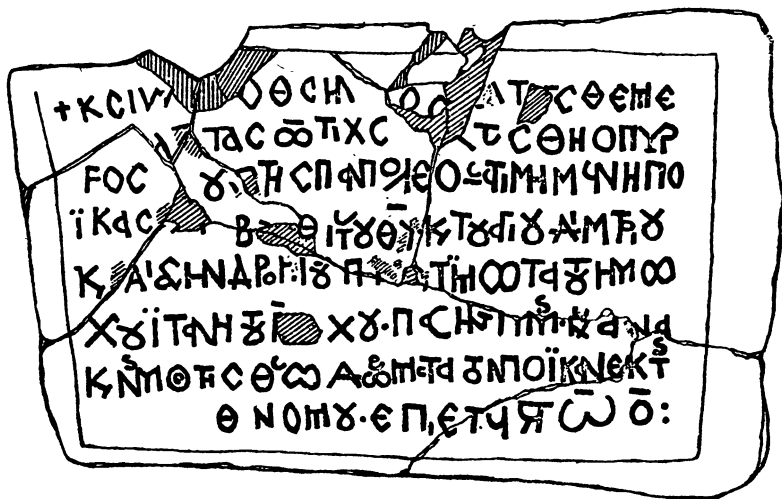

Рис. 1. Плита с надписью 1361/62 гг. из раскопок Мангула

разделен на несколько частей. Термин "верхний город" предполагает существование и "нижнего города". Видимо, "верхний" и "нижний" вместе образовывали "Феодоро". Именно в этой надписи впервые звучит название города, давшее имя княжеству. Но кто такой сотник Хуйтани и причем здесь упомянут св. Димитрий?

Н.В.Малицким было высказано предположение [22, с.9], которое поддержали и другие исследователи, считавшие его вполне обоснованным [31, с.330], что упоминаемый в надписи сотник (ἑκατονταρχος) Хуйтани имел еще и христианское имя Димитрий. Сравнивая это имя с летописными известиями, повествующими о разгроме Ольгердом на Синей воде войск трех князей: Хачебея, Кутлубуга и Димитрия в 1363 г., а также с сообщением Шлецера о повторном поражении в 1396 г., нанесенном Ольгердом в Подонье ханам Крымскому, Кыркельскому и Манлопскому [6, с.73, 181], исследователи пришли к заключению, что Хуйтани—Димитрий надписи 1361/62 гг. и Димитрий, упоминаемый в летописи, — одно лицо [22, с.11—13; 31, с.330].

Однако с этим мнением трудно согласиться ввиду целого ряда причин. Во-первых, в надписи Хуйтани назван сотником, а не князем ("правителем", "владельцем"). Во-вторых, никто из исследователей, касавшихся этого вопроса, не обратил внимания на то, что в целом ряде документов, относящихся к Каффе и Солдайе (особенно там, где речь идет об организации аппарата самоуправления городов), неоднократно упоминаются сотники как должностные лица, ведающие городским

ополчением. [33, с.775; 37, с.90]. Основной их функцией была организация строительства, ремонта, защиты стен и башен города. Причем в генуэзских городах сотники избирались исключительно из греческого (местного) населения [37, с.90]. В мирное время сотники следили за порядком выполнения горожанами караульной повинности. Выбирались сотники из числа лиц, наиболее уважаемых, авторитетных и зажиточных. Генуэзцы сохранили институт сотников, приспособив его к своим нуждам, включив в общую систему административного устройства города. "Сотни" городского ополчения делились на "десятки". Подобный порядок весьма напоминает структуру армии монголов, но имел ли он местные корни или был привнесен в XIII в. татарами, пока сказать трудно. Турки, захватив Крым в 1475 г., сохранили должности сотников, называвшиеся ими "юзбаши". В их компетенции остается попечение за благоустройство кварталов. М.Балар, говоря о делении населения позднесредневековой Каффы на сотни, отмечает, что "этот факт не имеет эквивалента ни в одном другом турецком городе [37, с.102]. Формировались сотни по кварталам, часто называемым именами святых, которым были посвящены церкви, располагавшиеся в них. Подобное явление характерно не только для городов Крыма. Оно сохранилось и в позднее средневековье (XV—XVI вв.) в Болгарии [10, с.84]*.

Ввиду изложенного есть основания считать, что в мангупской надписи 1361/62 гг. идет речь о сотнике, который возглавлял городское ополчение и попечением которого возводился участок оборонительной стены и башни. Сотня, возглавляемая Хуйтани, группировалась вокруг храма св.Димитрия, также упоминаемого в надписи. Затруднительно ответить на вопрос, был на Мангупе один сотник или же их было несколько (как, например, в Каффе). Если здесь находился один сотник, то и храм св.Димитрия являлся главенствующим в городе. В науке закрепилось мнение, что большая Мангупская базилика была возведена во имя св.Константина и св.Елены, упоминаемых в надписи князя Алексея 1425 г. [32, с.334—389; 1, с.30—39]. По мнению А.Л.Бертье-Делагарда, данная надпись происходит из Инкермана (Каламиты) [4, с.40]. С этим мнением как-будто согласилось большинство исследователей, оставив, правда, название храма св.Константина и св.Елены за мангупской базиликой [35, с.205, с.1—20]. Топография находки надписи 1361/62 гг. позволяет предположить, что она была извлечена из руин крепостной башни, находящейся рядом с базиликой, а не привезена откуда-то из другого места. А.Г.Герцен [11, с.15—16], вслед за Н.И.Репниковым [26, с.206—208, 25, с.160—161], считает, что надпись 1361/62 гг.

* В большинстве случаев немусульманские кварталы группировались в границах церковных приходов, которыми управляли местные священники. Они носили их имена, имена святых, которым была посвящена квартальная церковь, местных старейшин и др. Так, например, по данным XVI в., в Костуре существовали кварталы ("махали") с именами святых — св.Никола, св.Георгий, св.Андрей, св.Димитрий, св.Анастасий, св.Константин и др., в Солуне — также в начале XVI в. — св.Мина, св.Димитрий, а в Софии — поп Калоян, поп Милко и др.

происходит из руин цитадели Мангула, которая якобы была построена в 60-е гг. XIV в. князем Хуйтани. Подобное предположение, на наш взгляд, маловероятно по ряду причин. Во-первых, цитадель Мангула с самого начала возводилась как княжеская крепость, в которой донжон сочетает в себе черты боевой башни и дворцового здания. Все известные княжеские постройки (дворец Мангула 1425 г. и донжон замка Фуна 1459 г.) сопровождаются надписями с гербами правителей Феодоро, а надпись 1361/62 гг. (как уже отмечалось) лишена их. Во-вторых, донжон замка Фуна представляет почти точную копию донжона на мысе Тешкли-Бурун. Причем сходны не только общие размеры и планировка, но и многие детали (техника кладки, толщина стен, габариты входа, окон-бойниц, архитектурное оформление и т.д.) [23, с.102, рис. 4]. Вся эта совокупность сходных черт двух памятников вряд ли случайна и, скорее всего, может указывать на хронологическую близость их возведения. Дата фунского донжона определяется точно строительной надписью 1459 г., и он, вероятнее всего, построен позже цитадели Мангула, которая составляет третью линию обороны города и, скорее всего, была возведена уже после строительства дворца в 1425 г. Поэтому наиболее вероятной датой строительства цитадели на Тешкли-Буруне можно считать 1425—1459 гг., а не 1361/62 гг.

Следует, видимо, коснуться и еще одного аспекта рассматриваемого вопроса. Во время раскопок дворца Р.Х.Лепером в 1912—1913 гг. и А.Л.Якобсоном в 1938 г. найдены поливные чаши и блюда с монограммами из букв "ТХ", а в одном случае — "ТХВ" (рис. 2, 1—6; 3, 3). Кроме сосудов с этими монограммами, во время раскопок дворца в 1938 г. найдены две чаши с надписью НСААК АVOω(ΚρΑ) Τυ, которую А.Л.Якобсон связывал с именем мангупского князя Исаака [36, с.414, 415, рис. 13, 3; 32]. Сосуды с монограммой "ТХ" А.Л.Якобсон, а вслед за ним — В.Н.Даниленко и А.И.Романчук [12, с.123, табл. 2, 25—28, а,б] датировали XIV в., а монограмму расшифровывали как имя "Хуйтани", известное по надписи 1361/62 г. [36, с.414]. Но условия находки этих чаш и тарелок ставят под сомнение правильность даты, предложенной А.Л.Якобсоном (XIV в.), потому что слой пожара, из которого происходят остальные сосуды, все исследователи (в том числе и А.Л.Якобсон) отнесли к 1475 г. Есть основания считать, что красноглиняная поливная керамика из дворца не выходит за рамки его существования — 1425—1475 гг. (согласно надписи, найденной рядом с башней дворцового комплекса, он был построен в 1425 г. князем Алексеем [19, с.78—79; 4, с.32]). Ввиду того, что сосуды с монограммой "ТХ" найдены совместно с чашами князя Исаака, их следует датировать 70-ми гг. XV в., а не 60-ми XIV в., как это делалось ранее.

Согласно данным письменных источников, после смерти Исаака в 1475 г. мангупский престол занял князь Техур (Текур), который правил недолго и был свергнут прибывшим из Молдавии Александром. При приближении к столице Феодоро турецкой армии Техур бежал к

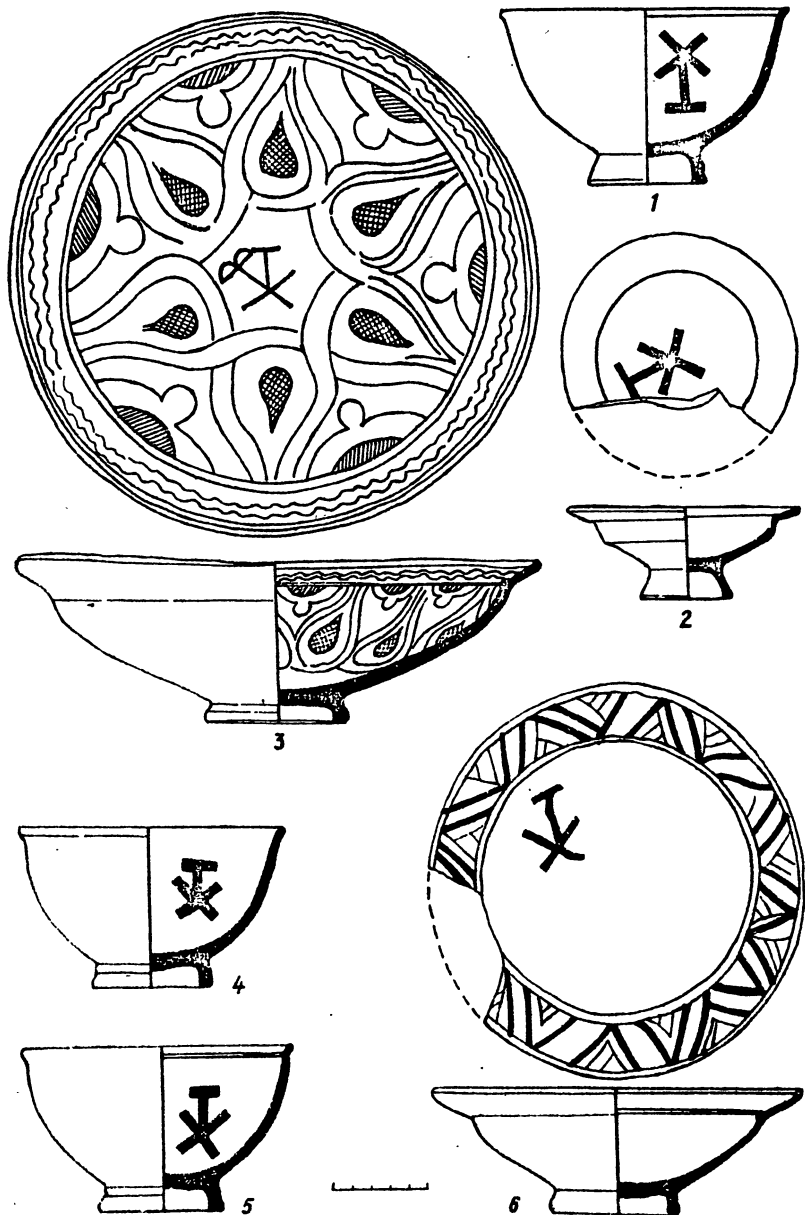

Рис. 2. Поливные сосуды с монограммами из мангупского дворца 1425–1475 гг.
(из раскопок Р.Х.Лепера 1912–1913 гг.).

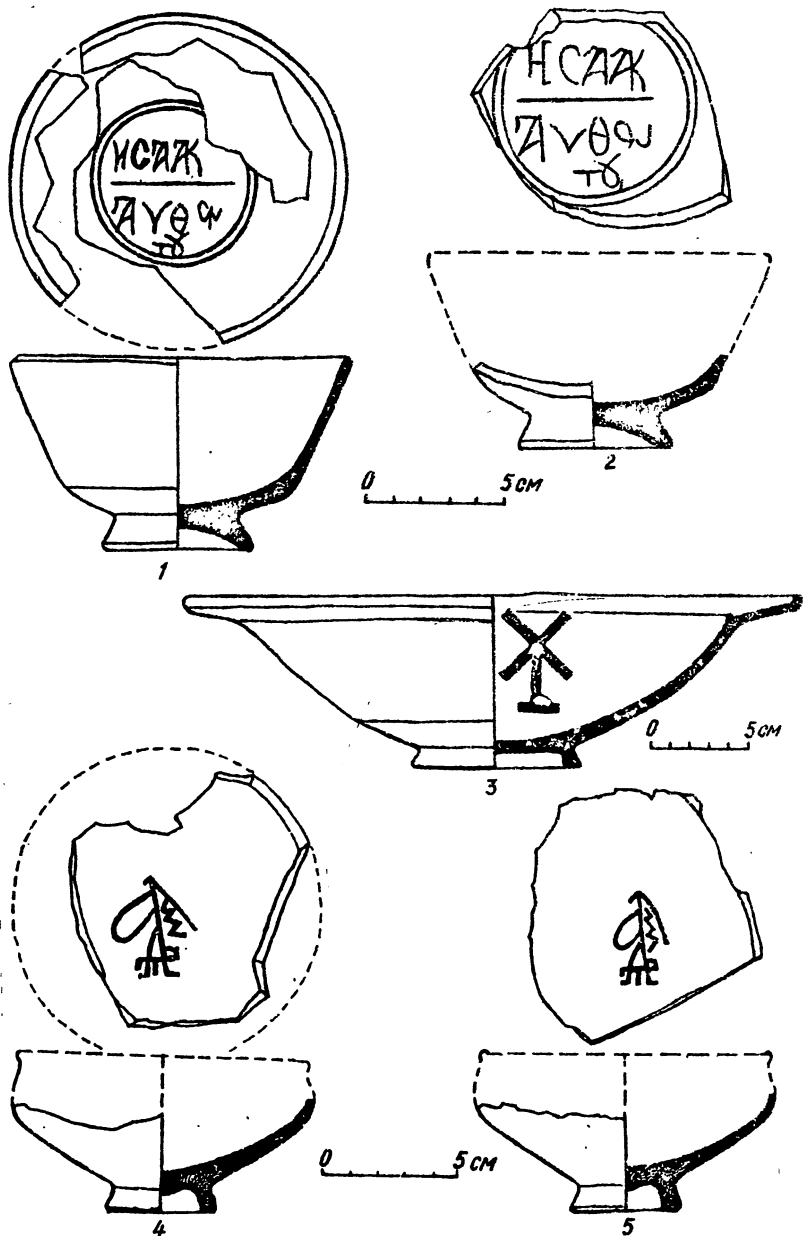

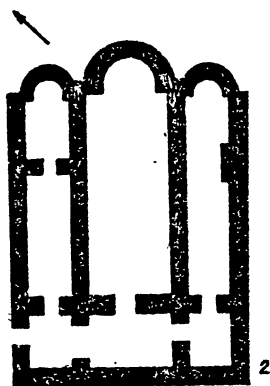
Рис. 3. Поливные сосуды с монограммами из мангупского дворца 1425–1475 гг. (1–3) и крепости Фуна (4–5).

османам [40, с.254]. Вероятно, буквы "ТХ" являются сокращенным написанием имени "Техур". Художественная поливная керамика в период развитого средневековья довольно часто украшалась именами владельцев. Монограммы заказчиков (все они сделаны по сырой глине до обжига) помещались на внутренней стороне чаш и блюд [38, с.148, рис. 195; 41, с.11—16]. В настоящее время известны монограммы трех князей, выгравированные на поливных сосудах второй половины XV в. Это монограммы Исаака и Техура (если наше предположение правильно) из Мангула и монограмма Александра из раскопок замка Фуна (рис. 2—3).

Таким образом, надпись 1361/62 г. (как и надпись 80-х гг. XIV в., в которой упоминается сотник Чичикий), с одной стороны, проливает свет на административное устройство городов Таврики, а, с другой — показывает общность социально-политического развития городских центров Крыма, по крайней мере, на протяжении XIII—XV вв. (вероятно, с момента их подчинения монголо-татарам). Сотник Хуйтани и князь Димитрий, принимавший участие в битве при Синих водах в 1363 г., — разные реально существовавшие исторические лица (какой князь Мангула участвовал в сражении с Ольгердом в 1396 г. не известно). На мой взгляд, нет никаких оснований отождествлять гекатонтархов Хуйтани и Чичикия с князьями Мангула, как это делали в свое время Н.В.Малицкий [22, с.9—13] и другие исследователи.

Строительство второй линии обороны Мангула в 1361/62 г. произведено городской общиной и, вероятно, на собранные ею деньги. Руководил этим строительством сотник Хуйтани (в 80-х гг. возведение стен и башен продолжил сотник Чичикий) — начальник городского ополчения. Следовательно, эти работы проводились в интересах жителей "верхнего города". Проведение данной акции (восстановление Феодоро) было возможно только в момент ослабления Золотой Орды в период междоусобных войн 60—70-х гг. XIV в., когда на протяжении 20 лет шла борьба за ханский престол.

2. Во время раскопок Д.М.Струкова на руинах храма монастыря святых апостолов Петра и Павла в Партените в 1871 г. найдены три надписи, из которых одну так и не удалось перевести, а две другие прочитал и перевел на месте священник церкви с.Аутки о.Иордан [29, с.10, 30, с.39]. Речь идет о надписях, датированных 1427 г. В дальнейшем внимание исследователей было сосредоточено на изучении одной большой надписи, которая гласит: "Этот всечестный и божественный храм святых, славных и первоверховных апостолов Петра и Павла был построен с основания в древние времена иже во святых отцом нашим архиепископом города Феодоро и всей Готии Иоанном Исповедником, ныне же возобновлен, как он зрится, митрополитом города Феодоро и всей Готии кир Дамианом в лето 6936 индикта 6-го, в десятый день сентября" [16, с.58—65; 17, с.72—79]. Г.Э.Караулов датировал эту надпись 1422 г. [14, с.308—317], В.Г.Васильевский — 1425 г. [8, с.86—154].

0 5 м

Рис. 4. Надпись митрополита Дамиана 1427 г. (1) и план храма святых апостолов, восстановленный Дамианом в 1427 г. (2).

Затем дата надписи была уточнена В.В.Латышевым и в настоящее время считается общепринятой — 1427 г. [16, с.58—65]. Раскопки, начатые Д.М.Струковым, были продолжены в 1905—1907 гг. Н.И.Репниковым [24, с.91—140]. Согласно данным его раскопок, восстановленный в 1427 г. храм представлял собой трехапсидную трехнефную базилику с нартексом. Размеры здания: 9,0х14,5 м (рис. 4, 2).

Вторая небольшая надпись, найденная одновременно со строительной надписью митрополита Дамиана, осталась без внимания ученых, и о ней не упоминается ни в одной публикации. Ее рисунок удалось отыскать в архиве Д.М.Струкова, который хранится в ЛОИА [29, с.10]. На одном из листов изображен камень круглой формы с греческой надписью (рис. 4, 1). На листе Струковым сделаны пометки, свидетельствующие, что первоначально этот камень находился в Петербурге в музее Академии художеств, а затем был передан на хранение А.М.Раевской (владелице имения в Партените, на землях которой проводились раскопки).

При копировании надписи Д.М.Струков явно уменьшил все изображение, но насколько, определить трудно, так как рисунок сделан без масштаба. На листе размеры плиты: 10,6х11,0 см. Можно предположить, что уменьшение сделано примерно в два раза. В таком случае натуральные размеры плиты могли быть около 21х22 см. Плита с надписью оказалась расколотой надвое и часть ее утрачена. В центре помещена монограмма , которую, видимо, следует читать как имя "Дамиан", а по кругу — надпись из трех слов. В целом надпись выглядит следующим образом:

ΔΑΜΙΑΝ [OC]
ΜΗΤΡΟΠΟΛΙΤΗΣ
ΠΟΛΕ [ω] C
ΘΕ...

Δαμίαν [δς]
μητροπολίτης
πολε [ω] c
Θε(οδωρω)

Перевод: "Дамиан. Митрополит города Феодоро". Над монограммой находится крест. Он стоит в начале надписи. Первые два слова, вырезанные по кругу (μητροπολίτης πόλεως), поданы без сокращений (только в первом слове на месте скола почти не просматривается буква "Π", а во втором — "ω"), "ΜΗ" даны в лигатуре, поэтому сверху поставлена черта. От последнего слова поместилось только две буквы (θε...). Насколько можно судить по рисунку Д.М.Струкова, надпись выполнена в рельефе.

Как видим, по своему содержанию надпись эта ничего не добавляет к тому, что было сказано в большой надписи кир Дамиана 1427 г. Единственным дополнением можно считать монограмму, которой нет на плите со строительной надписью. Возникает вопрос: для чего понадобилось митрополиту Дамиану одновременно с большой строительной надписью помещать еще одну и притом весьма лаконичную?

На мой взгляд, митрополит Феодоро Дамиан, восстановив в 1427 г.

в Партените храм святых апостолов Петра и Павла, поместил рядом со строительной надписью камень со своей монограммой и титулом, утверждая тем самым право собственности на сбор каноникона с жителей этого прихода или всего обширного приморского населения, в котором располагалось и генуэзское консульство [33, с.676]. Размеры каноникона (*κανονικον*) достигали иногда 10 % годового дохода [34, с.14–15]. Именно за право сбора каноникона в округах Кинсанус и Эллис в XIV в. разгорелся спор между тремя митрополитами Таврики: Херсонским, Готским и Сугдейским [13, с.445–473], а не за полное право владения этими территориями [27, с.187]. С населения Ялты (в источнике названа "Ялита") и ее окрестностей каноникон взыскивался в пользу константинопольского патриарха [13, с.445]. Еще в 1317 г. (при патриархе Иоанне Гликe) экзархи митрополита Готии сделали ставропигии в селах Сугдейской митрополии, требуя сбора каноникона в свою пользу. Насколько позволяют судить акты константинопольского патриарха, борьба между митрополитами Готским, Сугдейским и Херсонским продолжалась до конца XIV в. [13, с.468–469].

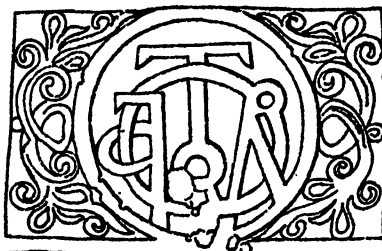
Восстановление в 1427 г. митрополитом Дамианом храма святых апостолов в Партените некоторыми исследователями расценивалось как попытка подчинения этого приморского поселения власти князей Феодоро [9, с.81]. Но этому явно противоречат данные более поздних письменных источников (1449 г.), сообщающих, что в Партенитах находилось консульство генуэзцев и при вступлении в должность консул выплачивал 4 сонма [33, с.675].

А.Л.Бертье-Делагард, а вслед за ним и Е.В.Веймарн, чрезмерно расширяли границы княжества Феодоро, стремясь их "совместить" с границами Готской епархии [5, с.60–62; 9, с.79–81, рис. 30]. Готская епархия по своей площади значительно превосходила территориальные владения князей Феодоро, поэтому митрополит распространял свою духовную (надо полагать, не только духовную) власть на паству, проживающую на землях, захваченных в Юго-Западном Крыму татарами, а на Южном берегу — генуэзцами (как, например, обстояло дело в Чембало, Гурзуфе, Партените, Алуште и других местах). Хотя и нельзя отрицать существование в XIV–XV вв. (особенно, начиная с первой четверти XV в.) политической тенденции к расширению владений князей Феодоро до размеров территории Готской епархии. В некоторых направлениях феодоритам удалось закрепить за собой земли, на которые первоначально устанавливалось право митрополита Готии на сбор каноникона. Так, например, произошло с округом Кинсанус, который еще в конце XIV в. при помощи авторитета константинопольского патриарха удавалось удерживать в своих руках митрополиту Херсонскому. Но уже в начале XV в. селения Фуна и, видимо, другие селения, входившие в этот округ, переходят под власть князей Феодоро, выстроивших в селении Фуна свой родовой замок [23, с.97–115].

Публикуемая надпись в некоторой мере сходна с гербами владете-

1

2

3

4

5

Рис. 5. Гербы надписи 1459 г. из раскопок крепости Фуна

лей Мангупа, помещенными на большой плите с греческой надписью 1459 г. из раскопок крепости Фуна [23, с.104, рис. 5]. Гербы на ней также в виде монограмм помещены на круглых щитах (их диаметр 22 см). Они утверждали право князей на владение землями и замком. Герб-монограмма Дамиана, видимо, не случайно выполнен в стиле подражания гербам светских феодалов, поскольку отражал право сбора каноникона.

3. В 1446 г. источники отмечают одного из мангупских князей, называемого Улубеем (Олобеем). Давид Комнин, прибывший со своим флотом в Крым в 1446 г., вел переговоры уже не с Алексеем, а с Улубеем [15, с.113]. Остается до сих пор неясным, был ли Улубей сыном или братом Алексея. Известно, что старший сын Алексея Иоанн в 20—40 гг. XV в. находился в Трапезунде. О времени и причинах выезда Иоанна в Трапезунд высказывались различные мнения. Н.В.Малицкий считал, что это событие произошло около 1427 г. [22, с.30—31], Д.С.Спиридонов — в 1440—1447 гг. [28, с.98—99], А.А.Васильев — 1447 г. [40, с.282]. Женившись на Марии Палеолог, Иоанн уже не возвращался в Крым. После смерти Алексея (или отхода от активного участия в управлении государственными делами) престол занял Улубей, а Иоанн вынужден был оставаться в Трапезунде. Трудно согласиться с Д.С.Спиридоновым, что Иоанн и Улубей — одно и то же лицо [28, с.96, прим. 2]. Иоанн мог выехать из Крыма и в 1441 г., когда в княжестве в связи с болезнью Алексея разгорелась междоусобная война. Поход Давида Комнина в 1446 г. мог преследовать несколько целей, среди которых было, видимо, и желание посадить на мангупский престол Иоанна, проживавшего в Трапезунде. Переговоры с Улубеем закончились установлением дружественных отношений.

А.А.Васильев пришел к заключению, что Алексей, известный по надписям 1425 и 1427 гг., умер между 1444 и 1447 гг. [40, с.218]. Д.С.Спиридонов, ссылаясь на итальянские источники, датирует смерть Алексея между 1 января и 14 мая 1456 г. [28, с.96], хотя в это время генуэзцы неоднократно (1454 и 1456 гг.) отмечают правителя Улубея [22, с.40]. Судя по содержанию документов, Улубей в это время занимал главенствующее положение на Мангупе. Но в августе 1455 г. упоминается и князь Алексей со своими братьями. Н.В.Малицкий, чтобы устранить возникающее противоречие при выяснении лица, владевшего Феодоро, высказывает предположение, что Улубей (Олубей) носил христианское имя Алексей и был сыном Алексея Старшего [22, с.41]. Столь странное для христианского правителя имя Олубей (Улубей) А.Л.Бертье-Делагард объяснял тем, что он мог состоять в близком родстве с Хаджи-Гиреем или воспитывался у татар [4, с.35—36, прим. 3].

Это предположение отчасти подтверждают генуэзские источники, а отчасти и археологический материал, о чем речь пойдет ниже. Д.С.Спиридонов считал, что Улубей (Олобей) — не собственное имя, а родовой титул, обозначающий старшинство [28, с.96]. Некоторую ясность в ре-

шение этого запутанного вопроса вносит надпись 1459 г., обнаруженная в 1982 г. при раскопках укрепления Фуна [23, с.104]. На верхней части плиты помещено пять круглых медальонов с гербами (рис. 5). На первом гербе изображен "процветший" крест, по сторонам которого вырезаны буквы IC/XC I/KA; во втором, третьем и четвертом — помещены монограммы, а на пятом гербе изображен двуглавый орел Палеологов (рис. 3). Для нас особый интерес представляют монограммы, помещенные в центре плиты. На крайней слева читается имя "Алексей" (Ἀλεξιος), на крайней справа — "Александр" (Ἀχμετος, Ἀχматос). Таким образом, на Мангупе в 1459 г. правили три князя — Алексей, Ахмет и Александр. Новым именем является только Ахмет, все же остальные были известны ранее по свидетельствам письменных источников. Об Алексее упоминают генуэзские документы 1455 г., и, вероятно, он подразумевается среди правящих на Мангупе братьев под 1458 г. [39, с.815]. В надписе из Фуны Алексей (Младший) упоминается последний раз (1459 г.), Александр ранее был известен по сравнительно поздним источникам (1472 и 1475 гг.), и его считают сыном Улубея. Монограмма Ахмета занимает центральное место в геральдическом ряду, что, видимо, отвечало и его реальному положению среди правителей Мангупа. В это же время на Мангупе правил князь Улубей. Вероятно, князь Ахмет надписи 1459 г. и Улубей письменных источников 1446–1472 гг. — это одно и то же лицо. Замок Фуна в 1459 г. владел Александр, но в 1472 г. после смерти Ахмета-Улубея (вероятно, его отца) он вынужден был уехать в Молдавию к Стефану III, где и находился до 1475 г., пока не умер узурпировавший мангупский престол его дядя Исаак. О том, что именно Александр являлся владельцем замка, говорят находки поливных чаш с его монограммой (найжены в слоях, датированных 1459–1475 гг.) (рис. 3, 4, 5). Интересно также отметить, что в основании монограммы на поливных чашах помещена тамга Гиреев, указывающая на кровно-родственную связь правителей Мангупа с Крымскими ханами.

1. Бармина Н.И. К изучению мангупской базилики (история исследования) // АДСВ. — 1975. — № 11. — С.30–39.
2. Бармина Н.И. Историческое место мангупской базилики в христианской архитектуре Таврики. — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1983. — 20 с.
3. Белый А.В., Соломоник Э.И. Утерянная и вновь открытая мангупская строительная надпись // НЭ. — 1984. — Т. 14. — С.170–175.
4. Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. — 1918. — № 55. — С.1–44.
5. Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. — 1920. — № 57. — С.1–135.
6. Брун Ф. Черноморье: Сб. исслед. по ист. географии Юж.России. — Ч.1. — Одесса: Новороссийск. ун-т, 1879. — 277 с.
7. Васильев А.А. Готы в Крыму. — Ч.П // ИГАИМК. — 1927. — Т. 5. — С.265–344.
8. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // ЖМНП. — 1878 (январь). — С.86–154.

9. Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневекового Юго-Западного Крыма // АИСК. — Киев: Наук. думка, 1968. — С.45—82.
10. Гандев Хр., Цветкова Б., Списарева И., Георгиева Цв. Градове и градски живот пред XV—XVI в. // История на България. — София, 1983. — Т.4. — С.83—103.
11. Герцен А.Г. Система оборонительных сооружений Мангупа. — Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1984. — 21 с.
12. Даниленко В.Н., Романчук А.И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. — 1969. — № 6. — С.116—138.
13. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. — 1867. — Т. 6. — С.443—473.
14. Караулов Г.Э. Недавняя археологическая находка в Крыму // ЗООИД. — 1972. — Т. 8. — С.308—317.
15. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. — М., 1981. — 232 с.
16. Латышев В.В. Новая надпись из Партенита // ЗООИД. — 1886. — Т.13. — С.58—65.
17. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. — СПб., 1896. — 143 с.
18. Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. — 1918. — № 65. — С.9—21.
19. Лепер Р.Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. — 1913. — № 47. — С.146—154.
20. Лепер Р.Х. О продолжении археологических изысканий в Херсонесе и в Мангуп-Кале в 1913 году // Архив ЛОИА. — Ф.1. — Оп. 1. — Д.15. — 80 л.
21. Лепер Р.Х. Сообщения о раскопках на Мангупе в 1913 г. // ИТУАК. — 1914. — № 51. — С.297—298.
22. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. — 1933. — Вып. 71. — 47 с.
23. Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. — Киев: Наук. думка. — 1988. — С.97—115.
24. Репников Н.И. Партенитская базилика // ИАК. — 1909. — Вып. 32. — С.91—140.
25. Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена // ИГАИМК. — 1932. — Т.ХП. — Вып. 1—8. С.153—180.
26. Репников Н.И. Материалы к археологической карте Юго-Западного Крыма // Архив ЛОИА. — Ф.10. — Д.10. — 320 с.
27. Романчук А.И. Херсонес XII—XIV вв.: историческая топография. — Красноярск, 1986. — 191 с.
28. Спиридонов Д.С. Заметки из истории эллинизма в Крыму // ИТОИАЭ. — Т.III (59-я). — 1928. — С.93—102.
29. Струков Д.М. О представлении альбома рисунков Крымских древностей с просьбой об ассигновании 6 тыс. руб. на издание их // Архив ЛОИА. — 1872. — Д.53. — 41 л.
30. Струков Д. Древние памятники христианства в Тавриде. — М., 1876. — 96 с.
31. Тиханова М.А. Дорого-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. — 1953. — № 34. — С.319—333.
32. Тиханова М.А. Базилика // МИА. — 1953. — № 34. — С.334—389.
33. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // ЗООИД. — 1863. — Т.V. — С.623—837.
34. Ценкова-Петкова Г. Феодальная рента в болгарских землях под византийским владычеством // ВВ. — 1961. — Т. XIX. — С.3—25.
35. Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика // СА. — 1940. — VI. — С.205—225.
36. Якобсон А.Л. Дворец // МИА. — 1953. — № 34. — С.390—418.